

Ю. А. Кулакова

КОГДА

БОГ

РЯДОМ

Издательство
Сретенского монастыря

Юлия Кулакова
Когда Бог рядом

«Издательство Сретенского Монастыря»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Кулакова Ю. А.

Когда Бог рядом / Ю. А. Кулакова — «Издательство Сретенского
Монастыря», 2017

ISBN 978-5-7533-1364-5

Кулакова Юлия окончила филологический факультет Самарского государственного университета, супруга священника Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Около 15 лет публикуется в православных электронных и журнальных изданиях, в том числе на сайте Православие.ру. Автор рассказывает о приходской жизни, о пути своего воцерковления и служения уже в качестве матушки священника. Читателям будет интересно узнать, как живут приходы Русской Православной Церкви за рубежом, автор рассказывает об опыте общения с детьми в воскресных школах православных приходов в Доминиканской Республике.

УДК 821.161.1

ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-7533-1364-5

© Кулакова Ю. А., 2017
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2017

Содержание

Высшая небес	6
Высшая небес	7
Настоящее	10
Когда Бог рядом	14
Не предавать	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юлия Аркадьевна Кулакова
Когда Бог рядом
Рассказы

© Кулакова Ю. А., 2017

© Сретенский монастырь, 2017

Высшая небес

Высшая небес Рассказ-быль

*Моему духовному отцу протоиерею Геннадию Феоктистову
посвящается*

Золотая дымка легла на воспоминания о том времени, когда я, переступив порог храма, поняла, что остаюсь. Что найдено Отечество, и Отеческие объятия, обретен тот мир, за который всегда будешь драться до последнего и который – всегда мир.

Дивный храм, его деревянные стены казались слитыми из солнечного света, а могучие деревья и буйная зелень вокруг создавали ощущение старинной сказки. Мудрый батюшка, что согласился принять меня, грешную и непослушную, в духовные чада, виделся одним из тех, чьи жития я тогда читала захлеб днями и ночами. «Молись Божией Матери», – говорил он мне во всех обстоятельствах, и грешное мое сердце каким-то уголком пыталось отразить свет его благоговения перед Пречистой. Издерганная и перемазанная житейской грязью душа младенчествовала в Господе, и Всемилосердый укреплял в вере обильными чудесными благодеяниями.

Одно из таких чудес я вспоминаю сейчас. Шел четвертый год, как я почти каждый день входила в неширокую дверь, над которой – крест и икона моей любимой святой. В теплое время мы с девчатами снимали обувь и шлепали босиком по траве вокруг церковных стен. Нам всем казалось, что мы здесь становимся детьми, нас переполняла беззаботная радость – наверное, так радуются малыши, играя с солнечными зайчиками. Но в эти дни я ходила осторожно и даже туфель не снимала. Ведь под сердцем моим, мягко и нежно давая о себе знать, росла и укреплялась еще одна радость. Дар Господень, маленькая душенька, которую мы так ждали.

Летний воскресный день. Много людей пришло, так много, что в храм не протолкнуться, но меня всюду пропустят, я уже знаю. Девчата смеются, молодые мамы, оставив шумных детишек кувыркаться в куче песка, важно подходят справиться о моем здоровье.

– Скоро тебе?... – спрашивает Ирина.

Утро раннее, а она уже устала, переживает из-за излишней резвости пятилетнего сынишки. Сынишка рвется то на дорогу, то на пруд тритончиков посмотреть.

– Нет еще, – начинаю я, но ее Мишутка, вооружившись палкой, увязывается за любимцем прихода баловником Лешкой к пруду, и Ирина, ахая и всплескивая руками, направляется за ними.

Пять дорожек ведут к храму, пятью ручейками текут к нему богомольцы. Бабули в ситцевых платках, с палочками, семянт, держат друг друга под руку, чинно и медленно идущие дедушки громко обсуждают, какую бы нужно нашей церкви колокольню – «чтоб все слышали, чтоб все шли Богу помолиться!». Молодые девчонки в джинсах на ходу оборачивают ноги длинным платком, торопятся на исповедь, и батюшка их ни за что не прогонит: мало ли, как тяжело им при неверующих родителях в храм убежать! Серые кудряшки выбиваются из-под платочка одной прихожанки, она уже прапрабабушка – это праведникам дает Господь увидеть своих праправнуков, только вчера читала. Пятидесятилетний мужчина гордо несет на руках двухнедельного сынишку, следом идет смущенная жена и взрослые старшие сыновья и дочери. Истоиво крестятся и кладут поклоны парни с военной выправкой. Скромница Фотинья ступает, глядя себе под ноги, и чуть заметно улыбается, сегодня после службы – ее венчание. Идут, любопытно разглядывая всех нас, несколько накрашенных женщин лет сорока-пятидесяти. Путаются под ногами взрослых и задирают торжественно, для Причастия одетых ровесников раскрасневшийся Мишутка и умудрившийся-таки упасть в пруд (ох и помучились тетеньки его вытирать!) Лешка. Испугавшись то ли грозного взгляда Ирины, то ли хворостинки в ее руке, забегают они в храм. Захожу и я.

Последней заходит бабушка Вера. У нее скорбное, изможденное лицо. Рядом – шестилетний Степка, болезненный, как всегда испуганный, готовый юркнуть куда-нибудь и затаиться. Степка – это ее внук. Отец у него пьет и постоянно распускает руки, маму после очередного семейного «разговора» положили в больницу. Бабушке тяжело идти, Степка цепляется за ее морщинистые руки. Начинается служба.

Вот уже Причастие, причащаются и Мишутка, и Лешка, и бабушка Вера с внуком. Все радуются, как на Пасху, причастников много, все друг друга поздравляют. Чаша занесена в алтарь, как вдруг...

– Господи, не введи во искушение! Царица Небесная, спаси! – раздается крик. Шум, вскрики... Парни выносят из храма бабушку Веру, бессильно повисшую на их руках.

С громким плачем движется за ними худенький Степка. Повинуясь какому-то порыву, забыв об осторожности (как тяжело пробираться!), выбегаю из храма, кто-то идет за мной – не вижу. «Положить ее, положить!» – «А что под голову?» – «Сердце, сердце, „скорую“!» Не помню, как оказываюсь на лежащих во дворе досках и сама укладываю бабушку головой на мои колени. Степка, всхлипывая, продолжает хватать ее за руки, женщины наперебой ищут лекарства, кто-то знающий пытается оказать первую помощь. Дыхание бабушки слабеет, а «скорой» все нет...

– Это мой... маленький крестик. Степушка, мой крест, мой маленький крестик, так старец сказал... – шепчет бабушка Вера. – Что с ним будет, а?

– Держитесь, пожалуйста, держитесь, все будет хорошо! Господь не оставит, сейчас будет лучше, вы пойдете домой, – тараторю я, глядя лицо бабушки. Глупые, глупые слова!

– Нет... меня предупреждали... сердце совсем... плохое, зять сегодня... – шепчет она и вдруг закрывает глаза. Едва слышу дальше: – Причастилась... не боюсь... Сте-па...

– Батюшке сказали, батюшка помолится! – кричат из храма.

Дверь открыта, мне отсюда, с досок, видно всю церковь. Но дыхание бабушки становится неслышным, лицо резко бледнеет, безвольно падает рука. Девчата кричат, парни сжимают кулаки. Заходится в рыданиях бедный Степушка.

И вдруг доносится из храма голос нашего духовного отца:

– Высшую Небес и Чистшую светлостей солнечных, избавльшую нас от клятвы, Владычицу мира песнями почтим!

Весь храм опускается на колени. До земли склоняются ситцевые платочки, всем сердцем молятся старички, со слезами стоят накрашенные тетеньки, тушь течет по щекам. Все, кто стоял на улице вокруг больной, опускаются на колени в траву. Обняв Степку, склонились до земли, по-взрослому сдерживая слезы, озорные малыши.

– К Тебе прибегаю, Благодатней, Надеждо ненадежных, Ты ми помози!

На секунду мне кажется, что лицо бабушки стало совсем белым. НЕТ!!! Молюсь как могу, мысленно кричу: «Господи, НЕТ! Владычица Всепетая, НЕТ! Спаси, спаси!» Бьется на земле охрипший от плача Степка.

И слышится мне, произносит батюшка: «...рабы Божией Веры». И бабушка шевельнулась, и лицо ее начало розоветь, и она открывает глаза. Степа поднимает голову, смотрит на бабушку, кидается, прижимается к ней.

– Степушка, внучек, – шепчет она.

Парни бросаются обниматься, малыши пляшут, мы с девчонками ревом. Люди в храме поднимаются с колен, как один бросаются к нам. Бабушка слабо улыбается.

Вдруг раздается вой сирены, и в церковный двор влетает машина «скорой помощи», с визгом тормозит рядом с нами. Из нее, не глядя по сторонам, в сопровождении медсестры выходит недовольный толстый доктор:

– Ну, что тут у вас?!

– Доктор, у меня ишемия! – приподнявшись на локте, бодро рапортует наша бабушка.

– Ишеми-ия, – ворчит доктор. – Ходят, молятся, а чуть что – все равно к нам!..

Он собирался еще что-то сказать, открыл рот и даже руку поднял на манер римского оратора, но только тут оглянулся: вокруг столпились все наши многочисленные прихожане. Он махнул рукой, велел медсестре проводить бабушку в машину и сам неуклюже полез следом. Через некоторое время высунулся и крикнул Степке:

– Эй, малец, давай к нам, прокатишься! Домой вас отвезем! Кто еще с нами, на этаж чтобы поднять!

Двое вызвались, двери закрылись, машина, отчаянно сигналив, выехала на асфальт шумной городской улицы.

Об этом событии будут говорить, и пересказывать другим, и изумляться, а тихий юноша, поехавший с бабушкой и Степкой, поведаст о том, как встретил их бабушкин зять: «Мне с ним чуть драться не пришлось!»

Это будет потом. А сейчас я встаю и смотрю внутрь храма. Я вижу уставшее, светлое, доброе лицо нашего батюшки. Ему некогда отдыхать, принесли крестить двоих спящих грудничков, а потом – венчание...

Настоящее

В этот день я шла на работу в растерянности. Выйдя из дома, споткнулась на лестнице. Чуть не пропустила свой автобус. Едва не проехала мимо остановки. И несколько метров от остановки до редакции показались долгой дорогой. Хотелось все осмыслить.

С чего все началось? Наверное, с исповеди. Моя подруга заболела тяжелой болезнью. Она нашла в себе силы обратиться к Богу. И выздоровела. И телесно, и душевно. В ее облике появилось что-то такое неопишное, что-то светлое и доброе, за которым хотелось идти и идти на край света. Я и пошла. Пошла с ней в храм.

Она подарила мне молитвослов. Маленький, синенький, с золотым тиснением, а на первой странице – фотография... храма, где меня крестили. Совпадение? А каким совпадением объяснить то, что я, читая по вечерам, тайком от родных, молитвы из этого молитвослова, не могла оторваться и читала дальше, и дальше, и дальше? В ближайшее время я отправилась на первую в своей жизни исповедь.

Но она же оказалась и последней на долгое время. Снова жизнь «как раньше»... И вдруг – болезнь. Для меня, привыкшей ничем, кроме насморка по зимней оттепели, не болеть, это был удар: боли, неизвестность, врачи, кабинеты, процедуры, предположение неутешительного диагноза. О диагнозе родным не сказала. Только... одному человеку.

Помню, как пришла домой, как увидела в зале отложенную в сторону газетную страницу. Понятно, почему отложенную: на странице была фотография иконы Божией Матери, это моим «партийным» родным не понравилось. «Иверская», – прочитала я под плохо пропечатанной фотографией. И я бросила на пол мешок с больничными принадлежностями, упала на колени перед журнальным столиком с газетным листком и долго-долго смотрела на снимок.

Анализы, узнавать результаты анализов. Как страшно. И вдруг: «Слушайте, ну не знаю, куда ваши врачи смотрят. Да то, что у вас нашли, и болезнью-то по большому счету не считается, просто нельзя было запускать. Пролечитесь как миленькая. Ерунда, не беспокойтесь. Идите к врачу, распишите лечение».

На подкосившихся ногах, на улицу, надо подышать воздухом. Мимо газетного киоска. Никогда раньше не обращала внимания, что есть православные издания. А тут – «вот этот журнал дайте!». Скучающая продавщица оторвалась от кроссворда, протянула маленький, с черно-белой фотографией журнал. Журнал весь посвящен... Иверской иконе Божией Матери.

Осмысляя все это, я столкнулась в дверях со своим редактором. Точнее, со своей.

– Так, появилась? Очень хорошо. Сегодня у тебя пресс-конференция, смотри по плану адрес. А еще найди телефон монастыря, позвони и договорись о встрече, поговоришь там об истории, чего делают, какие планы – нам к празднику надо.

– Монастыря?

– Да, Иверский монастырь, скоро праздник у них. Ты беги давай, пресс-конференция скоро начнется!

Думать пришлось на бегу. В коридоре меня догнала одна из наших сотрудниц:

– О, наша новенькая! Тебя куда редактриса отправила?

– В монастырь...

Лицо коллеги скривилось:

– Куда?! Слушай, ты на нашей работе долго не протянешь! Она так тебя унижает, а ты молчишь! Зачем позволяешь-то? Надо было отказаться, это же насмешка! Ну, ладно, сама решай. Надо уметь выживать!

И скрылась за дверью.

Даже если она права и такое задание принято давать, чтобы «унизить», то мне до этого нет дела: сегодня я должна прийти к Иверской. В Её обитель.

Договориться о встрече с настоятельницей Иверского монастыря удалось легко. Быстренько я отыскала и прямо на остановке проштудировала брошюру об истории монастыря. Монастырь был создан по инициативе граждан Самары в 1850 году. К этому времени изъявили желание посвятить себя иноческой жизни 38 сестер. Общину назвали Иверской, «исполняя желание елабужской купчихи Екатерины Ивановны Марихиной, пожертвовавшей в возникшую обитель фамильную икону Божией Матери „Иверская“ в драгоценной золотой ризе». Первой настоятельницей стала девица Мария Янова, в постриге игуменья Маргарита. Так...годы гонений, все разрушено... Вместо монастыря – дома для рабочих пивзавода. Сестер палачи собрали на прогнившую баржу, вывезли на середину Волги и утопили. У-у, гады, я бы им...

А вот фотографии нынешней настоятельницы, матушки Иоанны. Открытое, волевое лицо. И я к ней сейчас заявлюсь, в штанах и без платка. Еще прогонит!

Мимо пробежала моя сотрудница:

– Чего не едешь? Ты ждешь, что ли, кого?

– Да. Одного человека.

* * *

– Да не волнуйся ты. Отнесись просто как к заданию. Тебе же не впервой встречаться, разговаривать.

– Нет, я так не могу. Это же монастырь, это игуменья! А я еще и в таком виде. В монастырь в таком идти неприлично.

– Вот еще – неприлично, ты же по делу!

– И что же, что по делу? Не зря говорится – в чужой монастырь, да со своим уставом... Я же христианка, что ж я тогда не уважаю... Да ведь ни в чем, получается, не уважаю! Надо в храм ходить постоянно.

– Постоянно-то зачем? Нет, ну, наверное, надо. Но что – каждую неделю, как бабушки?

– При чем тут бабушки? Да, каждую неделю. И причащаться. Ленка звала меня тогда, а я только на исповедь приготовилась. Не понимаешь ты ничего.

- Я не понимаю? Я хотя бы Новый Завет читал. У меня с детства книжечка, маленькая, «гедеоновская», в школе раздавали. А ты всякий оккультизм читаешь.
- Я уже не читаю!
- Ладно, не кипятись. Приехали уже. Остановка «Пивзавод»!
- Ничего и не пивзавод. Переименовали давно, «Иверский монастырь». Идем?
- Нет. Подожду.

* * *

На земле монастыря полным ходом шла стройка. Несмотря на это, и стены, и кое-где оставшаяся травка, еще не смятая тракторами и бульдозерами, – все казалось окутанным какой-то другой, неясной, еще не испытанной тишиной. Стараясь не греметь металлическими набойками каблучков о каменные ступени, я добралась до строения, которое назвали мне по телефону, и робко постучала в старинную массивную деревянную дверь.

Мне открыла невысокого роста послушница в уютном фланелевом платице. Она приветливо улыбнулась: «Матушка ждет вас».

- Ой, а я это... в штанах вот. И без платка, – забормотала я, вдруг опомнившись.
- Ну, что ж... – вновь улыбнулась девушка.

И я на цыпочках двинулась за ней по коридору. Тишину монастырского корпуса не хотелось нарушать, это было так же щемяще-трепетно, как не хочется тревожить сон младенца.

В небольшой келии навстречу мне поднялась матушка-настоятельница. И я, приветствуя, склонилась перед ней. Здесь можно приветствовать так, как я это понимаю. Я – в другом измерении.

Мы говорили долго. Об обители, о строительстве, о том, какие люди идут в монастырь:

- Вот приходила одна женщина, просила принять ее. Оказалось – у нее маленькая дочь. Объясняю, что взять ее не могу: у нее есть обязанности перед дочерью. Так эта женщина говорит: «Я все поняла! Я дочку отдам бабушке и к вам приду!»

Потихоньку разговор зашел о вере. Я все чаще говорила «вот у одного человека...», «вот одна моя знакомая...», а потом – «а вот у меня...». И тут я не выдержала. И рассказала все. О молитвослове с золотым тиснением, о болезни и о лике Иверской на газетных страницах. О том, как не могу остановиться, читая молитвы перед единственной домашней иконой, право на которую долго отвоевывалось у родных.

- Дай-то Бог, дай-то Бог! Ты православная христианка? – спросила матушка.
- Да!!!
- Идем, благословлю тебя.

И матушка крестила меня широким крестом, а я уже сжимала в руке ее подарок – книгу «Женщина-христианка».

- А вот знаете, один человек... – начала я.
- Лицо матушки вдруг просияло. Улыбается? Нет, лицо не изменилось. Но этот свет!
- И сколько вы уже вместе? – тихо спросила матушка.
- С... с кем?
- А вот с этим самым человеком.

Я покраснела, произвела в уме нехитрые арифметические действия и ответила.

- Это у вас навсегда. Это у вас настоящее, – будто вслушиваясь во что-то, мне неслышимое, сказала она.

* * *

В молчании я выходила из ворот монастыря.

– Ну, что тебе матушка сказала?

– Сказала – это у нас настоящее, – прошептала я. – Идем.

Я шла. И он шел рядом. Мой будущий муж, будущий отец моего сына. Будущий священник.

Когда Бог рядом

...Дела есть дела. Надо ехать. А ехать – страшновато. Расстояние от неба до земли превратилось в единый седой водопад, внутри которого пропали все очертания. Такого синоптики не предполагали.

Сын, потирая температурающий лоб, ищет зонтик, неуклюже напяливает ветровку: засовывает руку в капюшон вместо рукава.

Зонт и капюшон нужны уже в подъезде: крыша прохудилась, трубу прорвало, и два настоящих потока льются у самой нашей двери и по центру подъезда. К первому этажу все это превращается в пару рычащих речек и растекается по бетону.

В машину залезть получается не сразу: сначала ее надо увидеть. А потом разглядеть, что воды у дверей – по щиколотку.

Сразу достаем акафистник: акафист, что читаю каждый день у нашего домашнего образа Божией Матери, сегодня прочту в машине. Когда вокруг ничего, кроме белесой стены, не видно, колеса глубоко в воде, а свет дают только редкие молнии – это... уместно. «Радуйся, Благая Вратарнице...»

Дождь постепенно мельчает, будто одумавшись. Однако по-прежнему заставляет держать в уме пословицу про хорошего хозяина и его собаку. Ни собак, ни людей вдоль трассы, и только один мужичок в распахнутой рубахе, веселый и пьяный, идет-шатается по своим разгуляистым делам, и дождь ему нипочем.

Мост через реку. Гудки машин, сбившихся в «пробку». Сын прикидывает к окнам: скоро начнется ряд магазинов, «где машины продают».

И вдруг... Достаточно далеко от нас, на обочине, по жуткой непролазной грязи, которую не решился преодолеть даже бодрый уазик, я увидела одинокую фигуру. Безногий человек, старательно работая руками, двигался на инвалидной коляске куда-то вперед.

Что делать? Выбежать? Отдать ему свою – безнадежно женскую – куртку? Раскрыть над ним зонтик и идти рядом с ним, увязая в грязи, сколько-то сотен метров до ближайшей крыши?

Я уже было решилась на последнее, но «пробка» внезапно двинулась, и двинулась быстро, и те самые сотни метров отделили нас от инвалида, в одной майке под проливным дождем преодолевавшего грязевые валы. И напрасно я, выставив голову под ливень, пыталась его разглядеть.

...Сколько раз в этой жизни я повторяла молитву исповедника отца Михаила Труханова – «Боже, будь со мной!». Сколько думала о том, что Он – здесь, рядом. А сейчас Он и был рядом – в образе того несчастного, одинокого человека на коляске. Ведь говорил же Он: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Но я почему-то не выпрыгивала под разверзшимися тучами с радостной мыслью: «Господь мой и Бог мой!», не мчалась по дороге к Нему, не раскрывала над Ним зонт, не согревала одеждой. А с каждой минутой удалялась от Него.

Потом был монастырь, родимая Иверская и мой стыд перед ней. Мощи святого Александра Чагринского, которого я столько просила о многом – и он не оставлял. Сегодня – его праздник, мощи убраны белыми цветами, а храм дышит тяжким запахом лилий.

Потом был другой человек под дождем в инвалидной коляске, который уже узнаёт нас на этом участке дороги, привычно подъезжает к машине и говорит много хороших пожеланий, пока я лезу в кошелек, а потом мы долго желаем друг другу Божьей помощи. Он рассказывал, что у него есть родные, которые его моют, кормят и не обижают. Сегодня он, промокший насквозь, просто взял купюру, сказал «Счастья!», проехал вдоль ряда машин еще пару раз и скрылся в дверях магазина, мастерски въехав в проем.

А я думала только о Благой Вратарнице. Как Она, стоя у дверей Неба, видит Своего Сына, крутящего колеса инвалидной коляски под проливным дождем. И – равнодушно удаляющуюся машину человека, который только что призывал Ее словами акафиста.

Не предавать

Состояние было нешуточным. Мне повезло: когда муж привез меня к врачу, тот как раз отправлял по «скорой» женщину с таким же случаем. Меня без обследования усадили рядом с ней в «газель», вручили грелку со льдом, и поехали.

– Холодно... куда эту грелку? Сюда? Сюда? – неопределенно ткнула я рукой куда-то в свой бок.

– Сюда, – подмигнула мне соседка и указала на кушетку. Часто я проваливалась в забытьи, и думалось только об одном: что я обещала купить ребенку плед с веселым Валли. И не купила, и уже могу не купить.

Молодая, совсем юная врач в приемном шутливо протянула: «Вы куда мне столько женщин на ночь понагнали?» – И вскрикнула, обернувшись ко мне: – «Анализы, срочно!»

Всё как в тумане: операция, капельницы, катетеры, мое обещание уплатить за наркоз, как только выплыву, смех докторов... Опросы остальных трех пациенток об абортах:

– Три!

– А у меня четыре!

– А мне вообще восемьдесят лет, сами на диагностическое пригнали и еще что-то спрашиваете!

Трели телефонов, звонки в приемной и наконец – сон...

Утро.

Встала. Стою? Отлично. Можно пройтись.

Первый этаж. Успокоить уборщицу, что не собираюсь ни падать, ни курить. Впрочем, стоит повернуть обратно: ноги совсем не держат, мутит.

Там, где видна дверь на улицу, я остановилась. Кто-то будто командовал: обернись!

К окошку регистратуры подходила молоденькая девочка.

Таинственный кто-то продолжал: «Она пришла на аборт».

Что за глупости! Галлюцинации? Вот тебе и хороший наркоз... Но в сердце появилась щемящая тревога, она не уходила. С каждой секундой росла уверенность: да, здесь проходят сотни женщин, кто посещает родных, кто – на обследование или анализы, но именно эта пришла на аборт.

Я понимала, что должна двинуться к ней. Что надо остановить. Тем более что приходилось это делать часто. Не всегда меня слушали, бывало – и убежали, и ругались, и шли в другой день, но попытаться стоит всегда.

Но болел живот, болела голова, в глазах будто повисла пленка, ноги подкашивались... а в сердце заболело малодушие.

«Куда? А если она вовсе не на аборт? А как ты в полуобморочном состоянии будешь с ней разговаривать? Тоже мне, агитаторша с зеленым лицом!»

Ноги совсем ослабли, я вцепилась в дверной косяк, уткнулась в него носом. Пока собиралась с мыслями – девочки уже не было.

– Так, вот ты где! – подскочила врач. – Кто разрешал вставать самой? Ходишь – тогда марш на анализы!

Когда я вернулась, в нашей палате были, кроме оставшихся с ночи, еще две женщины. Одна – лет сорока пяти, а другая – та самая девочка. В халатиках и с ваточкой у локтевого сгиба.

Старшая докладывала, смеясь:

– Нет, какое там – оставить! У меня сын на днях женится, а я тут беременная? Нет, сейчас сделаю аборт и побегу к свадьбе все собирать!

Младшая не говорила ни слова.

– Вы носите брата для своего сына? – спросила я.

Женщина замолчала.

Начался разговор. Долгий, мучительный. Споры, убеждения. Слишком хорошо было понятно: поздно. Когда в сапогах и в регистратуре – еще можно. Когда в халате и с ваточкой – решение уже принято. Женщине просто жалко денег, жалко руку под ваточкой, жалко времени переобувания в тапочки. Это те ритуалы, которые дают понять: все уже сделано, осталось чуть-чуть. Зря, что ли, принесла халатик?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.